

В

переводе с древнегреческого слово «антология» означает «собрание цветов», «цветник». Понятно, что цветы могут вызывать самую разнообразную палитру эмоций. И антология военной корреспонденции под названием «XX век: письма войны», только что изданная редакцией московского журнала «Новое литературное обозрение», — именно такой «цветник». Почти 850 страниц книги включили в себя письма с нескольких войн — от англо-бурской войны 1899–1902 гг. до чеченских событий конца прошлого столетия. Составители книги Сергей Ушакин и Алексей Голубев не без основания считают, что в начале века устойчивая переписка стала возможной, а в годы чеченской войны она была окончательно вытеснена телефонной связью.

Какой бы объемистой ни была подобная антология, она, конечно же, не в состоянии вместить и малой доли переписки между людьми, разделенными войной. По оценкам советских историков, в годы Великой Отечественной войны только из тыла на фронт написано 70 миллионов писем! В своем вступительном слове составители высказывают интересное мнение: войны XX века превратили Россию и СССР в нацию писем. Добавим: не только войны, но и всеобщая грамотность, а также практически безукоризненная работа почты. «Удивительно, как быстро доходят письма», — пишет сестре с фронта Великой Отечественной Василий Шапорев. И поэтому совсем не удивляет, что о работе военных почтальонов слагались песни: «Один из первых тостов поднимаем мы за здоровье почты полевой...» Правда, позднее, в годы Афган-

ской и Чеченской войн, работа почты уже не была такой четкой, о чем беспристрастно свидетельствует военная корреспонденция.

Среди авторов писем, включенных в книгу, есть известные имена. Опубликованы, к примеру, письма известного русского художника Василия Верещагина, участвовавшего в Русско-японской войне. Они адресованы Николаю II. С той же войны писал отцу, брату и сестре Карл Маннергейм — будущий главнокомандующий финской армией и президент Финляндии. Но абсолютное большинство писем написаны рядовыми солдатами и офицерами, их матерями и женами, о многих из которых не обнаружено даже никакой биографической информации.

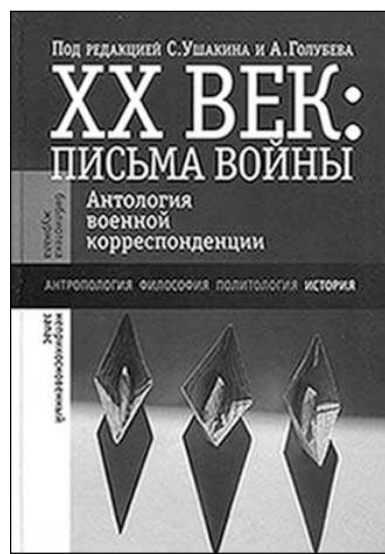
Переписка представлена в книге не в хронологическом порядке, а объединена в разделы «Военное дело», «Деньги войны», «Военный быт», «Военнопленные» и тому подобное. Каждому разделу предшествует аналитическая статья, что делает книгу по существу научным изданием. «Письмо с фронта является ярким личным документом, возможно внутрисемейной ценностью», — пишут составители антологии и продолжают: «...при соответствующей исторической обработке письмо также может представлять собой социально-исторический документ». Возразить тут невозможно. И все-таки лично мне (думаю, что многим другим читателям тоже) антология интересна, прежде всего, как собрание документов, рассказывающих не о социально-исторических аспектах, не о денежных, бытовых и прочих отношениях, а об отношениях человеческих.

Русский человек во все времена был отзывчив на чужую беду и боль. В период англо-бур-

ской войны (вспомните: «Трансвааль, Трансвааль — страна моя, ты вся горишь в огне...») десятки добровольцев из России отправились в Южную Африку, чтобы помочь бурам в их борьбе за независимость. Как свидетельствуют опубликованные письма, среди них были не только кадровые военные, но и врачи, фельдшеры, сестры милосердия. Подпоручик российской армии Леонид Покровский, принимавший участие в боевых действиях в составе одного из партизанских отрядов буров, рассказывает, что среди добровольцев было немало и немцев, французов, американцев, голландцев, итальянцев, греков, португальцев, испанцев и т.д. «Почти все эти добровольцы, — уточняет автор письма, — привлечены слухами о неистощимых запасах золота и жаждут наживы. И как белое пятно на этом фоне выделяются наши немногочисленные русские добровольцы... Желающих пожить трансваальскими богатствами между ними нет никого». Красноречивое свидетельство о русском человеке, не правда ли?

Обращает на себя внимание, что фронтовики, переживавшие неимоверно сложные условия войны, волновались, как правило, не за себя, а за родных, находящих в тылу. О себе писали кратко: «Жизнь сейчас боевая... мы вступили в бой и гоним немецкую тварь на Запад...»; «Наша часть освободила несколько населенных пунктов»; «Я, в армии, проживу гораздо легче, чем вы». Не хотели, чтобы родные беспокоились за них: «Я на фото вышел гораздо тощее, чем есть на самом деле»; «Я по-прежнему здоров, чувствую бодро и уверенно, почти не скучаю, да и некогда этой безделицей заниматься». А о матерях, женах, детях, вообще о жизни своего города, села, хотели знать все до мелочей: «Сообщите мне, получаете ли Вы деньги по аттестату и за какие месяцы Вы получили»; «Радуюсь, что урожай там хорош»; «Пишите почаще письма и подробнее о своей жизни и работе, а также о жизни колхоза, села»; «Посылай интересные вырезки из местных газет»; «Интересно мне узнать, доится ли у нас корова, а если доится, то сколько литров дает». Это письма времен Великой Отечественной. Но аналогичные письма приходили и с других войн. «Не пишите поклонов, а пишите, что делается в дому» (из письма с Первой мировой, 1915 г.).

Как известно, каждая война — разлучница.

Многие письма, опубликованные в книге, я бы назвал гимном верности русских женщин. В ответ на письмо мужа-фронтовика, спрашивающего, не забыла ли его жена, та отвечает: «Коля, тогда я тебя забуду, когда мои глазки закроются» (1939 г.). Два раздела, посвященные переписке мужей с женами, женихов с невестами, читаются как самые настоящие романы — бесхитростные и чистые.

Когда-то Георгий Константинович Жуков, отвечая на вопрос о том, в чем наша армия превзошла армию Германии в Великой Отечественной войне, поделился важной мыслью: наш солдат, в отличие от немецкого, был более подготовлен морально, нравственно, духовно. В техническом оснащении немецкая армия была, как известно, сильнейшей в Европе. Но в морально-нравственном смысле перевес был явно на стороне Советского Союза. Наши воины, говорил Жуков, читали книги, в том числе и поэтические сборники, интересовались газетными публикациями, и высокое Слово вдохновляло их. Подтверждение этому находим в письмах фронтовиков постоянно. Вот один из них в письме к сестре делится впечатлениями о прочитанных очерках Ильи Эренбурга. Другой восторженно пишет жене о прочитанном романе Николая Лескова «Обойденные», третий — о толстовском романе «Война и мир», четвертый — о стихах Валерия Брюсова. В письмах нередко цитируются стихи Константина Симонова, Василия Лебедева-Кумача, других советских поэтов.

Традиции чтения жили в нашей армии и позднее. Воин-афганец Юрий Бояринов пишет родителям о том, что прочитал три тома «Победы» Александра Чаковского, что хочет найти книги Валентина Пикуля, Ивана Ефремова, Юлиана Семенова. Оттуда же, с афганской войны, Виталий Бадма-Горяев сообщает другу, что прочитал «Что делать» Чернышевского, «Гиганты и игрушки» Такэси Кайко.

К сожалению, после 90-х годов щупальца бездуховности дотянулись и до армии. Иначе чем объяснить, что в письмах с чеченской войны нет ни одного упоминания о книгах? Зато много такого: «...по вечерам видак смотрим, если есть свет».

Война есть война. Она способна разрушить человека и физически, и морально. «Мне двадцать третий год, но я не стою 60-летнего старика», — пишет рядовой Е. Чудинов в июне 1917 года. Но война способна и преобразовать людей. Можно ли без содрогания в сердце, а то и без слез читать, скажем, о том, как женщина, свидетельница гибели девятнадцатилетнего парня — участника чеченской войны, пишет его родителям: «Я вам хочу написать наш последний разговор... «Как вернусь домой, стану перед мамой на колени и буду целовать ее руки, и попрошу прощения за свои грубости, которые ей когда-либо сказал, буду во всем слушать родителей, не закурю ни одной сигареты и стакан не поднесу к губам своим».

Письма фронтовиков, как правило, полны ненависти к врагу. «Я бы у Гитлера выдрал каждый волосок один за одним и каждую жилу», — пишет родным Андрей Ипатов. Ему вторит артиллерист Андрей Агапитов: «Истреблять этих зверей и завоевать себе право на жизнь самостоятельную, свободную и культурную».

Особая тема писем — военная цензура. Открыто о ней никто не говорит, только намеками: обо всем, мол, рассказать не могу, сами понимаете. Но даже в годы, когда цензура в стране отменена, встречаются такие строчки, как у Сергея Матвеева, пишущего родителям из Ч.ч. «...не верьте новостям по телевизору, т.к. тут все горазδο хуже, чем показывают».

Привлекают внимание письма родителей Сергея Кашина — воина-афганца, подорвавшегося на mine и скончавшегося от ран в госпитале. Строки, полные горя, адресованы сослуживцу сына — ныне известному воронежскому журналисту В. Руденко. Страшна поте-

ря родного человека. Но не менее страшно и неведение: как, при каких обстоятельствах, почему и зачем это случилось? «Будь проклята эта война!» — звучит в каждой строке.

Откровенно говоря, прочитав, что книга подготовлена при поддержке Комитета по исследованиям в области общественных и гуманитарных наук Принстонского университета США, ожидал, что в аналитических статьях встречу с предвзятостью по отношению к СССР или России. Но, к моей радости, не обнаружил ее. Лишь однажды промелькнуло, что в советско-финской войне 1939–1940 годах СССР, дескать, был агрессором. Конечно же, реальная ситуация в те годы была куда более сложной. Финляндия стала союзницей Германии, и это не давало руководство СССР никакого иного выбора в вопросах обеспечения безопасности Ленинграда. Но куда важнее то, что публикуемая переписка убедительно опровергает, к примеру, утверждения некоторых доморожденных историков о том, что, мол, не было 28 героев-панфиловцев — это один из мифов, насждавшихся государством. Был этот подвиг!

Не могу не сказать и вот о чем. Лично у меня вызывает сомнения правомерность публикации писем русских военнопленных из Германии, относящихся к 1915–1916 годам. Составители книги сообщают, что биографической информации об их авторах установить не удалось. Добавлю, что сами авторы также неизвестны: ни одной фамилии под письмами нет. А по форме они являются обращениями к солдатам русской армии: дескать, сдавайтесь, в Германии все распрекрасно. Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что в данном случае составители книги должны были засомневаться: а не имеют ли они дело с обыкновенной германской военной пропагандой периода Первой мировой? Тем более что практически рядом публикуются совсем не анонимные письма того же периода и из той же Германии, в которых пленные просят «слать нам хлебушка».

В одном из писем читаем: «...Счастливы тот человек, который не видел и не увидит этой проклятой войны». Со страниц антологии «XX век: письма войны», как будто из глубин времени, поступают к нам свидетельства-сигналы: эти люди сражались и погибали за свое Отечество, за справедливость, за высокие идеалы добра и чести. А сама книга — как реквием, посвященный их памяти.